Леонтьев А. Н.
Воля

Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14, Психология. 1993. № 2, 3-14 с.

От публикатора. Публикуемый материал является хронологически одним из последних, если не последним, оригинальным научным текстом, принадлежащим А. Н. Леонтьеву. Он представляет собой "домашнюю лекцию", подготовленную по моей просьбе и прочитанную лично мне, его внуку, в 1978 г. Содержание лекции вряд ли требует специальных комментариев, поскольку она была рассчитана на слушателя, имеющего минимальную психологическую подготовку (я тогда был студентом 1-го курса ф-та психологии МГУ), и отличается предельно доступной формой изложения.

Поскольку А. Н. Леонтьев не посвятил специально проблеме воли ни одной из печатных работ или рукописей, данная лекция является единственным источником, позволяющим уяснить его взгляды на эту проблему.

Речь Алексея Николаевича была записана на магнитофон, незадолго до того подаренный ему на 75-летие. При подготовке стенограммы к печати была сделана лишь стилистическая правка, устранены повторы, а также опущены уточняющие вопросы и ответы на них, не добавляющие чего-либо к основному содержанию.

Д. А. Леонтьев

Рассказывать о психологии воли, особенно если нужно рассказывать очень коротко, затруднительно, как, впрочем, затруднительно коротко рассказывать и о многих других психологических процессах. Раньше приходится два слова сказать об истории самого понятия воли.

Воля издавна трактовалась как одна из первичных способностей (наряду с умом и чувством), т. е. никакой теории, никакого научного анализа воли нельзя было и предпринять. Так же когда-то говорили о теплороде: это некоторая первичная способность, которая находит свое выражение, но сущность ее нераскрываема, потому что она собственно сама себя и порождает; достаточно указать, что теплота порождается теплородом, и никаких дополнительных объяснений можно не привлекать. Применительно именно к воле переодетая теория способностей продолжает существовать до настоящего времени. Достаточно сказать, что даже Джемс, во времена которого уже накапливался большой фактический материал, велись опыты, производились измерения и было немало известно о методах психологического исследования, продолжал стоять на той позиции, что существуют некоторые особые акты. Он их называл актами *fiat* — «да будет!», используя известное библейское *fiat lux* — да будет свет и стал свет... Даже когда Джемс писал об идеомоторных движениях, или действиях, т. е. когда он рассматривал то очень важное положение, что возникновение идеи движения обязательно переходит в движение, он не оставлял идеи *fiat,* потому что для этого перехода нужно было иметь какую-то предпосылку, которую он и видел в далее неразложимой силе, этом самом знаменитом *fiat.*

Анализ воли все же начался. Стали обсуждать какие-то характеристики волевых процессов (я бы предпочел сказать — волевых действий) , которые отличали эти процессы или действия от других, неволевых. Это обычный шаг научного анализа. Нужно выделить особенности, специфику изучаемого. Вот здесь и началась большая и длинная история поиска этой специфики.

Прежде всего волевым актом по справедливости можно называть только действия или процессы целеподчиненные. Значит, волевые процессы (я предпочитаю говорить — волевые действия)

противопоставляются и отличаются от всех тех процессов, которые не имеют признака целеподчиненности. Под целью понимается некоторый предполагаемый сознаваемый результат, к которому должно привести действие. И таким образом процессы как бы разделились на две группы: *непроизвольные* (к ним относятся автоматические, инстинктивные, импульсивные действия, т. е. действия по прямому побуждению, действия под влиянием аффекта, страсти) и *преднамеренные, произвольные*, т. е. целеподчиненные. Совершенно очевидно, что когда мы говорим о воле, то уже интуитивно всегда относим эти процессы к группе произвольных. (Правда, тут произошло некоторое смешение терминов, потому что произвольными стали называть также и некоторые движения, которые идут по схеме кольца. Например, термин «произвольные движения» стал сочетаться с описаниями классических опытов физиологов, опытов Павлова с собакой, которые проходили следующим образом: собаке поднимали лапу и затем подкрепляли, подкармливали. В результате собака сама поднимала лат". Вроде произвольное действие... Конечно, тут нет произвольного действия, все остается рефлекторным.)

Но одного указания на целеподчиненность волевых действий недостаточно, потому что существует очень много действий, которые целе-направлены и в этом высоком смысле произвольны, но тем не менее никогда не называются и не могут быть названы волевыми на психологическом языке. И есть другие, тоже целенаправленные действия, которые явно выделяются нами из числа прочих, и к ним прикрепляется это имя — волевые. В классической марксистской традиции волевыми называют действия, подчиненные не только сознательной, но, более того, разумной цели, т. е. такой, которая не только сознается, но ставится как необходимая, разумная, и тогда, например, трудовая деятельность относится к волевой. Таким образом, в классических традициях марксизма воля имеет более широкое значение, чем то, которое придается этому термину в психологии. Поэтому в психология продолжаются поиски тех особенных примет, черт, признаков, отличающих именно волевые акты от неволевых.

Прежде всего среди этих признаков часто выделяется наличие выбора. Воля есть там и только там, где целеподчиненное действие происходит в условиях выбора между двумя или многими возможными действиями. Перед Спенсером стоит дилемма: либо ехать в Австралию, либо жениться и остаться в Англии. Спенсер принимает решение на основе изобретенной им «моральной арифметики»: обстоятельства отъезда, равно как и обстоятельства женитьбы и пребывания в Англии, он баллирует по каждому пункту, расценивая их каким-то количеством очков, затем сосчитывает очки. Выходит, что больше пунктов собирает решение ехать в Австралию. Он остается в Англии и женится. То же происходит с пасьянсом Безухова, который колеблется, уезжать ли ему, оставлять ли ему Москву вместе с войсками или оставаться в Москве, занимаемой Наполеоном. Он раскладывает пасьянс, получает ответ на вопрос и — делает наоборот. В связи с волей как выбором часто приводят ситуацию Буриданова осла. Даже есть остроумная мысль, которая состоит в том, что осел не обладает возможностью волевого действия и поэтому остается голодным между сеном и соломой, а человек умнее осла, и поэтому, не имея возможности разумно решать, он бросает жребий, а потом следует ему и, таким образом, не умирает от голода.

Итак, волевое действие — это действие, осуществляемое по выбору. Выбор есть признак волевого действия. Где нет выбора, там нет волевого действия. Если же мы говорим о выборе, то естественно ввести еще одно понятие — принятие решения. Волевой акт есть действие в условиях выбора, основанное на принятии решения. Вот вам и развернутая характеристика волевого действия. Тогда вся проблема переходит на проблему выбора — как он строится, на проблему принятия решения — как оно принимается и что это такое, а исследуя эти образующие волевого действия, тем самым мы изучаем и само волевое действие, по крайней мере в некотором приближении. Но трудность состоит в том, что ни первый, ни второй критерий не оказываются удовлетворительными. А примеры состоят в том, что осуществленный выбор не обеспечивает соответствующего ему действия (Спенсер сознательно выбрал поездку в Австралию, а фактически остался в Лондоне). Более того, есть ситуации, которые не предоставляют никакого выбора и тем не менее вызывают действие, очень ярко. выраженное и, бесспорно, всеми одинаково расцениваемое как волевое. Ситуация очень простая — приказ

командира. Выполнить чрезвычайно трудно и, как говорится, надо мобилизовать всю волю. Подняться в атаку и оторваться от земли очень трудно, но альтернативы нет. Она никогда не обсуждается, ее и нет. Действительно, нет альтернативы, выбора нет, нужно действовать и все. Выбор только мы присочиняем, психологически его нет, реально нет. Другая ситуация — наркомания. Очень большой, можно сказать, подвиг воли — бросить наркотик, но ведь разве пользованию наркотиком есть альтернатива? Нет, это не альтернатива, это то, что есть, что течет, не целеподчиненное, и вообще не действие. И вдруг появляется волевое действие, выкидывается коробка с сигаретами, или разбивается бутылка водки, или выбрасывается наркотик. Тем более не проходит вот это знаменитое принятие решения. Словом, выбор и принятие решения просто необязательные моменты, характеризующие волю.

А может быть обязательно наличие преодоления препятствий по пути к достижению цели, и когда препятствия нет, то действие неволевое? Если подниматься в атаку понарошку, а не в боевой обстановке (взял и поднялся, лежал, а теперь стою или бегу), никто не признает это действие волевым. Оно произвольное, целеподчиненное, может быть даже альтернативным (например, в условиях военной игры), но только не волевым в узком смысле, когда говорят: «человек волевой», или «требуется большая сила воли», или «это по-настоящему волевое действие». Если мы сказали, что мы удерживаем целенаправленность и знание дела, т. е. разумную целенаправленность, то тогда, естественно, нам надо искать только специфику. Мы можем допустить и колебания (что лучше — севрюжины или осетрины положить на тарелку?), и выбор. Но чего-то не хватает. Может, не хватает усилия? Итак, третья характеристика — преодоление препятствий, т. е. наличие препятствий. Если действие совершается беспрепятственно, оно не может быть волевым, даже если оно с выбором и с принятием решения.

Прежде всего нужно сказать, что мы не можем думать только о внешнем препятствии. Внешнее препятствие нам ничего не дает. Известно, что тяжелые наркоманы способны преодолеть любые препятствия, чтобы получить наркотик, но это выражение не воли, а безволия. Известное правило психиатрических клиник, которые занимаются тяжелыми наркоманами,— не спускать с них глаз, они всегда найдут возможность раздобыть наркотик и разовьют для этой цели колоссальную энергию. Значит, внешнее препятствие отпадает.

Тут возникает еще другое осложнение. Волевые явления не всегда бывают действиями. Еще средневековые писатели описывали три рода волевых явлений. Первое — это *фацера*, т. е. действование; второе — это *нон-фацера*, недействование — очень тяжелое, оказывается, воздержание от действия. Например, я держу подразделение под артиллерийским обстрелом; очень трудно *не* бежать; и мне трудно, и подразделению трудно, но приходится. Или под бомбежкой стоять на крыше, в крышевом охранении, что делали почти все взрослые москвичи подходящего возраста. Свистит ведь в воздухе, хочется сбежать с чердака вниз — никто не бежит, держатся. И наконец, третье — самое тонкое, самое высокое — *вати*, что проще всего перевести как «терпение», но нельзя сказать, что это точнее всего. Это то, что очень интересный психолог, автор первой русской военной психологии генерал Драгомиров называл *упругостью*, которую он приписывал русским войскам как величайшее их качество: отступаем, но не ослабляем давления в сопротивлении, опять отступаем, но не ослабляем сопротивление. Это натягивающаяся резиновая нить. Еще неизвестно, когда ты ее дотянешь до некоторой величины, не откинет ли она тебя, как резинка из рогатки. Удержание известного спокойствия, если угодно, — это то, что называется психической упругостью. Психическая упругость довольно картинно описывает саму суть дела. Значит, воля не всегда выражается в действии, и проблема еще более осложняется. Это и приводит к необходимости вести анализ, учитывая сразу возможность приписывать характеристику волевому процессу (акту) безотносительно к тому, в какой форме он происходит.

Вот ещё небольшая иллюстрация к состоянию нон-фацера. Рассказывают, что некогда во времена инквизиции некий молодой итальянец был арестован, заключен в тюрьму, ему было предъявлено обвинение в тяжких грехах, и на основании этих обвинений итальянец был подвергнут пытке. Пытка в глазах святой инквизиции — это было своеобразное испытание на правоту или неправоту подозреваемого, обвиняемого. Предполагалось, что если человек не

грешен, чист перед Богом, то он вытерпит любые пытки, не взяв на себя ложного признания, и тогда, если он вытерпит пытку, святая инквизиция объявляет его невиновным и не подвергает «казня без пролития крови», т. е. путем сжигания на костре. И вот бедный итальянец был подвергнут ужасным пыткам; сидели секретарь инквизиции и инквизитор, который вел допрос. И допрос ничего не дал: итальянец ни в чем не признал себя виновным. Когда пытка кончилась и инквизитор объявил решение признать этого итальянца невиновным, а тюремщики стали расковывать и освобождать узника, то инквизитор, обратившись к ранее обвиняемому, а теперь реабилитированному молодому итальянцу спросил: «Ты не вымолвил ни одного слова признания, но я слышал, как уста твои шептали «Я вижу тебя» (io te vedo). Не иначе, как сама святая дева являлась тебе и укрепляла тебя на то, чтобы перенести жестокие пытки». «Ваше святейшество, — отвечал бывший теперь уже узник, — перед моими глазами мне действительно являлось нечто, но это нечто было тем костром, на котором вы сожгли бы меня, вырвись у меня хоть одно слово признания».

Такая ситуация в проблеме воли привела меня к необходимости предпринять некоторый независимый анализ. Прежде всего я отказался от разыскания в отношении очень сложных форм, таких, как внутренние акты, внутренние поступки, воздержание от действия, вытерпливание и т. д., и решил возвратиться к обыкновенному внешнему действию, рассмотрев аналитически возможности его характеристики в условиях обычного анализа, который теперь часто называют анализом, в основании которого лежит так называемый деятельностный подход. Представим себе обыкновенное волевое, т. е. целенаправленное, действие. За целью лежит мотив в соответствии с общим положением, которое называют деятельностным подходом в психологии. И тогда легко представить себе очень простую схематическую картину. За целью (указанной кем-то или самим собой) может лежать положительный мотив. Тогда действие происходит и энергетически (т. е. по затраченному времени, силе, объему работы, который надо провести) находится в известном соотношении с силой мотивации, точнее — мотива. Оно идет и не попадает в категорию волевых. Можно представить себе обратную картину: за целью лежит отрицательный мотив — неделания, и тогда действие просто не идет. Простая альтернатива: положительный мотив — действие идет, отрицательный мотив — действие не идет. Проще быть не может.

Но дело все в том, что действия всегда — это надо запомнить — полимотивированы. Когда я осуществляю какое-нибудь действие, то я вступаю в отношения не только к одному, а к нескольким предметам, которые сами по себе могут выступать как мотивы. Будем рассматривать как простейший случай полимотивированности наличие двух мотивов (на самом деле можем иметь в виду три, сколько угодно, это не играет роли в схематическом анализе). Опять возьмем банальный случай — оба мотива положительные. Действие идет. Рассмотрим второй случай — оба мотива отрицательные. Действие не пойдет нипочем. Зачем ему идти? А теперь рассмотрим такой вариант: один мотив положительный, а другой — отрицательный. Возникает ситуация поступка. Это уже не просто действие. Это волевое действие. При этом совершенно все равно, осознаются ли оба мотива, осознается только один или оба не осознаются. Важно, чтобы эти мотивы были. В ситуации экзамена я нахожусь в двояком отношении: к своим профессиональным обязанностям (к своему долгу) и к экзаменующемуся. Экзаменуя, я не могу не иметь дела с экзаменующимся, но я также не могу не иметь дела с программой, требованием. Что возникает? Возникает отвратительная ситуация. Я не могу поставить четверку, потому что никакой четверки в ответе нет, и я не могу поставить тройку, потому что этим я лишаю стипендии человека, явно в ней очень нуждающегося. Какое бы решение я ни принял и что бы я ни сделал в этих условиях, поведение (действие) будет волевым: я поставил *всё-таки* тройку... или я *всё-таки* поставил четверку... Итак, *волевое действие есть действие, осуществляющееся в условиях полимотивации, когда различные мотивы имеют различные аффективные знаки*, т. е. одни являются положительными, а другие — отрицательными. Вот, собственно, первое определение, грубое, недостаточно развитое, указывающее лишь на общее свойство, на общий подход к проблеме.

Принимая эту формулу, мы не требуем обязательности осознания мотивов. Но мы не требуем еще и другого: мы не требуем характеристики этих мотивов, а эту характеристику надо требовать. Почему же все-таки человек действует так, а не иначе? Почему он не может попросту бросить жребий или нипочем не хочет его бросать? Если мне предложат поставить тройку или четверку по жребию, я буду скорее прислушиваться к себе, к тому, что во мне происходит. Во мне

происходит какой-то процесс, это и есть воля — процесс внутренний, очень тонкий и очень сложный. Это каркас, на который я натягиваю свой анализ, грубая схема, векторное сложение мотивов, самое вульгарное, кстати. Потому что они вступают друг с другом в очень сложные отношения. Значит, проникновение в проблему воли потребовало от нас проникновения в мотивационную сферу личности, вот почему воля — глубоко личностный процесс. И если мы не рассмотрим отношения, которые возникают внутри сознания, порождаясь его развитием, если мы не рассмотрим эти внутренние процессы как самопорождающиеся, мы не сможем решить проблему воли. Значит, нужно вести дальше анализ и по гораздо более сложным и трудным путям. Кое-какие шаги в этом отношении сделаны.

Итак, мы пришли к некоторой схеме всякого действия, которое может быть названо волевым. Еще раз эта схема: действие реализует объективно два разных отношения, т. е. осуществляет две различные деятельности, следовательно, подчиняется двум различным мотивам. В случае, когда один из этих мотивов является отрицательно эмоционально окрашенным, а другой, напротив, положительно, то возникает ситуация, типичная для осуществляющегося волевого действия. Если оба мотива являются положительными, то действие идет, но выпадает из категории волевых. То же самое с отрицательными мотивами, действие просто не идет, его нет. Безусловно, можно определить, что всякий мотив имеет положительную или отрицательную окраску; безоговорочно, существуют такие альтернативы, по которым их можно расклассифицировать. Простой критерий состоит в том, что если нет другого мотива, а действие идет, значит есть положительный мотив; если действие не идет, то мотив отрицательный или вообще не мотив. Таким образом, всегда есть критерий очень жесткий: имеет ли данный мотив побудительную силу? Если он ее не имеет, тогда это не мотив. Либо он имеет положительную побудительную силу — действовать, либо побудительную силу отрицательную — не действовать. Если передо мной пламень жаровни или свечи, то действие поднесения руки в обычных условиях не совершается, наоборот, есть тенденция к ее отдергиванию, а в случае с Муцием Сцеволой, напротив, действие идет, потому что тогда есть, будем говорить, супер-мотив (я вношу условный термин, никакого терминологического значения не придавая) и получается типичное волевое действие.

Теперь о проверке предположения, которое можно в связи с этим высказать. Сосуществование двух мотивов, т. е. включенность действия в две различные деятельности (а это означает два различных отношения к миру, к предмету потребности, т. е. к мотиву), имеет в качестве своей характерной черты разные уровни, на которых строится действие, осуществляющее оба отношения. Надо развести эти уровни и придумать такую экспериментальную схему, которая могла бы быть предметом исследования. Вот о такой схеме я и расскажу сейчас.

Эксперимент, о котором я сейчас расскажу, был мной проведен в составе бригады исследователей еще за несколько лет до войны в процессе решения некоторых актуальных вопросов парашютизма. Мы получили просьбу, которая шла через Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), провести исследование парашютных прыжков. Речь шла о прыжках с парашютной вышки, которая существовала и существует до сих пор в Парке культуры и отдыха. Высота этой вышки — это высота крыши примерно семиэтажного дома. Человек поднимался на нее, к нему пристегивалась так называемая система, т. е. то, что связывает прыгающего с самим куполом парашюта, а затем ему предлагали сделать шаг вперед с площадки этой башни, т. е. шагнуть, так сказать, с седьмого этажа в пространство. Надо сказать, что иногда эти прыжки шли хорошо и гладко, иногда возникали известные трудности — человек отказывался прыгать. На парашютной вышке отказы практически были очень редки. Нас заинтересовал вопрос о том, почему, во-первых, эти случаи достаточно редки; во-вторых, с чем они связаны? Первое объяснить очень просто. Вышка представлялась посетителям парка как аттракцион. Надо было заплатить рубль, получить билет, пройти в основание вышки, надеть систему, подняться с этой системой наверх, а затем процесс шел так: прыгающего быстро подводили к барьеру, подстегивали большим карабином систему к парашютному куполу, затем открывали барьер и инструктор подавал команду: «Не надо прыгать, сделайте просто шаг

вперед» и, по нашим наблюдениям, чуть-чуть подталкивал на этот шаг в физическом смысле. Прыжок завершался легким возбуждением и чувством удовлетворения.

Мы наблюдали эти прыжки. Я обыкновенно с фотоаппаратом сидел на барьере рядом с открывающейся частью его и смотрел, таким образом, в профиль. Затем мы несколько изменили ситуацию. Вместо инструктора поставили своего человека и видоизменили обстановку следующим образом. После того, как очередной посетитель приходил на эту вышку, барьер был уже открыт. Его приглашали подойти к краю, будем говорить условно, пропасти... «Инструктор» постукивал карабином по кольцу системы, как бы делая вид, что сразу он не пристегивается. Уходили секундочки, во время которых этот мнимый инструктор вел разговор примерно на такую тему: «А вот интересно, там внизу собака выбежала прямо сюда, на площадку». И испытуемый, естественно, смотрел вниз. А затем инструктор отступал на полшага и говорил: «Не надо прыгать, вы просто сделайте шаг вон туда, вниз. Это безопасно, потому что парашют уже сбалансирован и вы плавно опуститесь вниз». Вот здесь оказалось, что отказы во много раз участились.

Тогда мы продвинулись еще на один шаг вперед: последнюю доску пола, на которой стоял испытуемый, сделали подвижной и установили под ней скрытые датчики, так что смещение центра тяжести человеческого тела фиксировалось. И тогда получили один довольно любопытный феномен — *феномен обратного толчка*, как мы его условно назвали. Оказалось, что после первого импульса «вперед» доска соответственно наклонялась на доли миллиметра. Датчик показывал это микронаклонение. Затем следовал обратный толчок (пустота как бы отпихивала человека назад), и доска наклонялась в противоположную сторону, т. е. центр тяжести перемещался назад. Сначала чуть вперед и потом даже более значительно назад. После этого следовало: либо отказ, либо наклонение вперед и, наконец, шаг, т. е. падение, так называемый прыжок с парашютом.

В чем же дело? Надо было экспериментировать дальше. Мы тогда соорудили на той же башне устройство, состоящее из двух планочек, на которые натянута была тончайшая папиросная бумага. Она просвечивала, т. е. было видно, что она очень тонкая, но через нее нельзя было рассмотреть предметы, определить расстояние и т. д. Это была довольно большая рамка, закрывающая довольно большой кусок поля зрения. При этом все устройство было снабжено механизмом, по которому при прыжке, т. е. при освобождении доски от давления, эта рамка автоматически убиралась (опускалась вниз, становилась отвесно, параллельно башне). И таким образом каждый раз нам папиросную бумагу натягивать не надо было. Один и тот же листик работал до первого дождя. Мы объясняли испытуемым: «Теперь наступите, пожалуйста, на этот папиросный лист бумаги. Вы, конечно, понимаете, что это тончайший лист и не может препятствовать прыжку, слишком тонкая бумага». Пустили мы это приспособление как раз на отказников — никакие отказы не повторялись. Тогда мы представили себе положение: есть, по-видимому, нижний уровень, неврологически этот уровень подкорковый, который дает команду: «Нельзя! Стоп! Назад!»,—обратный толчок, и отказ. Есть высший, корковый, конечно, уровень, который повторяет команду: «Вперед!», так как на этом высоком уровне нет воздействия высоты, а есть воздействие идеи полной безопасности. Кстати говоря, совершенно точной, так как прыжки были безопасны совершенно. У нас была единственная авария за все время работы.

Я должен упомянуть о некоторых деталях. Мы, конечно, не довольствовались работой со случайной публикой, но и подбирали контингента испытуемых. Например, в нашем распоряжении был взвод солдат Московского гарнизона. Праздно думать, что они не давали отказов. При нашей инструкции было очень много отказов. Учитывая это обстоятельство, мы заинтересовались, как же так — взрослые мужчины, тренированные, дисциплинированные, не выполняют команды? Тогда мы решили взять профессиональных парашютистов — и у них получили отказы, причем часто с такими заявлениями, что очень паршиво прыгать с вышки, хуже, чем с крыла (тогда прыгали с биплана, люков не было еще, когда парашютистов высыпают как из кассеты, одного за другим) ... Почему паршиво? А потому, что неприятно в никуда шагать, а куража, сознания высоты, отважности, риска нет. Получается неуравновешенность: верхний

уровень не командует, потому что он очень слабый, а нижний уровень сам себе громко кричит: «не хочу!». Очень интересная обстановка.

Затем мы сделали еще одно видоизменение. Говорили: «Посмотрите вниз, теперь повернитесь назад и делайте шаг спиной, падая». Вот этого никто не выдерживал, хотя вообще эта задача нехитрая. Я сам не пробовал спиной прыгать. Обычным способом я прыгал довольно хорошо, т. е. не испытывал особенных затруднений. Но понимаю, что такое толчок. Я жульничал. Я очень быстро это делал, и тогда у меня не получалось обратного толчка, просто я знал заранее, действовал сразу, рывком.

Тут кое-что начало проясняться. Однажды пришла группа из какого-то учреждения, все прыгнули, а одна женщина отказалась. Ну отказ, нормальный случай. Но на следующий день, когда я пришел на парашютную вышку и сел на свой барьер, то вдруг увидел эту вчерашнюю отказницу и спросил, зачем она еще раз пришла. И она, немножко застеснявшись, ответила, что то обстоятельство, что она не смогла заставить себя прыгнуть, оставило у нее неприятный осадок. Когда она вернулась к себе в учреждение, ее кто-то, кто не был на парашютной вышке, спросил, прыгнула ли она, и она сказала «да». И у нее осадок стал еще хуже. Она сказала, что да, а на самом деле— нет, и поэтому она решилась сегодня одна поехать после окончания работы в парк и обязательно прыгнуть. Мы ей помогли, и она прыгнула и ушла с полным удовольствием. Помогли тем, что просто перешли на нормальную инструкцию, без всяких задерживаний, наоборот, сказали: «Посмотрите на парашют и шагайте», т. е. выключили зрительное поле в роковой момент, когда шла борьба. Таким образом выявилась гипотеза, осложненная тем обстоятельством, что это очень тонкая высшая регуляция — социальные моменты вмешиваются: не хочется быть обманщицей, или противно, очень неприятно прыгать с парашютной вышки, потому что нет куража, это не профессиональное дело. Возник, конечно, вопрос: а нельзя ли прежде всего построить физиологическую гипотезу, а затем ее проверить?

Мы построили такую физиологическую гипотезу. Представили себе дело так: функция нижнего (будем говорить, подкоркового) уровня при движении состоит в том, чтобы подготовить выполнение предметного движения, т. е. собственно движения соответствующих конечностей — в данном случае рук, ног, которые должны выполнить прыжок, ну и так дальше. Словом, подготовить скелетную мускулатуру. Эта функция обычно называется функцией тонической, в соответствии с представлениями Бернштейна. Уровень, о котором идет речь, является фоновым, т. е. необходимо образующим некоторый фон, на котором разыгрывается фазическое движение. Отсюда возникло такое предположение: может быть, на этом более низком уровне организации движения у человека осуществляется вообще только вот эта своеобразная тоническая подготовка. Что касается фазики движения, то она задается верхними, высшими, корковыми, очевидно, процессами. Это допущение в высшей степени вероятно с точки зрения наших физиологических знаний об организации движений, об уровнях построения движения, как это называл Николай Александрович Бернштейн. С этой точки зрения в высшей степени вероятным является допущение, что если ты оцениваешь высоту, с которой необходимо прыгнуть, пустоту, в которую надо шагнуть, то первоначальная оценка вызывает мгновенную преднастройку, т. е. тонические изменения в мускулатуре, подготавливающие движения не вперед (т. е. движения прыжка, или, точнее сказать, шага в «никуда»), а движения противоположно направленные, т. е. на отодвигание от края этой условной пропасти. В то же время подается формирующаяся на высоком уровне команда «вперед». Получается дискоординация, несоответствие тонической подготовки и начинающегося осуществляться фазического движения. Тоника говорит: «От края!», а фазика — «Через край!» При этих условиях можно понять и как возникает собственно переживание волевого усилия, т. е., попросту говоря, почему трудно поднять руку, когда рука, как говорят обычно, не поднимается. Почему трудно разжать кисть, держащуюся за стояк биплана в воздухе перед прыжком, когда надо прыгать. Рука продолжает сжимать этот стояк, работает против прыжка, значит, мышцы руки идут по пути, проложенному этой подготовкой, мгновенно происходящей, как только человек выходит на Плоскость крыла самолета. А выполнение прыжка можно образно сравнить с движением, так сказать, против шерсти, против течения. Течение уже запущено, а реальное действие требует движения противоположной мышечной группы.

Допустим, группа мышц, совершающая отдергивание руки, приведена в готовность в этом направлении, т. е. подготовлено фазическое движение группы сгибателей. А команда (или самокоманда) идет на группу разгибателей. Что же получается? Получается, что нужно снять тонику с группы сгибателей и совершить вопреки отсутствию тонической подготовки движение, осуществляемое с помощью группы разгибателей. Вот это предположение — объяснение волевого усилия, метафорически говоря, как усилия чрезмерного вследствие несовпадения эффекта тонической подготовки и содержания самого движения,— очень хотелось проверить экспериментально. Это можно сделать довольно простым способом. Нужно в эксперименте задать задачу так, чтобы какая-то группа мышц осуществляла бы движение, требуемое оборонительной реакцией (скажем, защищающее от ударов тока), другая группа должна была действовать в сторону соприкосновения с источником электрического толчка, с электродом. Тогда, по предположению, под влиянием уже полученного опыта электрического укола или электрического раздражения в данных условиях приближение к электроду будет вызывать реакцию отодвигания руки от источника этого электрического удара. А инструкция будет требовать приближения к этому источнику, т. е. обратного действия.

Мы такую установку построили с тем, чтобы записать электромиограмму. Расчет записи был сделан таким образом, что мы могли прописывать и собственно тонические процессы, изменения тоники мускулатуры и, естественно, напряжения и реакцию антагонистов. Попросту говоря, один электрод чувствительного электромиографа прикреплялся к одной мышечной группе, а другой — к группе мышц-антагонистов. Опыты были проведены плохо. Там выпало одно важное звено инструкции к пользованию установкой, которая была очень хорошо сделана в своей электрической и биомеханической части. Получилась следующая четкая картина: испытуемый должен был разгибать руку вместе со стержнем, который охватывала кисть руки, в направлении источника электрического удара. Он получал этот удар. При следующих попытках повторить то же самое мы наблюдали изменения электромиограммы. Возникали достаточно резко выраженные биоэлектрические эффекты от тонического состояния мышц, отводящих руку (в нашем случае, сгибателей), и обнаруживалась практически нулевая тоническая подготовка у мышц-антагонистов (разгибателей). Но дело все в том, я повторяю, что эксперименты сами по себе были очень нескладно построены. Я не очень внимательно занимался руководством, потому что мне казалось, что самая большая трудность заключалась в аппаратурной части, а аппаратурная часть была сделана одним из наших сотрудников очень квалифицированно и очень хорошо налажена. Я успокоился, а экспериментатор, который работал под моим руководством, бывший аспирант, завалил порядок эксперимента (только под моим давлением догадался снять те же самые электромиограммы с той же калибровкой, с той же аппаратурой, но в условиях, когда вообще не было никакой пробы, простая инструкция — сгибать и разгибать руку на той же самой установке). Тогда мы получили первый баланс записей тонического и фазического. У меня в руках были образцы этих записей, но, повторяю, они были недостаточно хорошо осмыслены. Короче говоря, это еще подлежит исследованию, повторному исследованию, может, с более совершенной аппаратурой. Поэтому у меня ответ пока гипотетический, но все же достаточно надежный: гиря кажется тяжелой, т. е. надо все же применить усилие несоизмеримо большее, чем то, которое требуется весом гири, вследствие того что на каких-то уровнях идет противоположным образом направленный процесс. Я говорю «гиря» метафорически, как говорят: «рука не поднимается», «кисть не разжимается». Вот объяснение.

Теперь коротко последний вопрос по поводу онтогенетического развития волевых действий в собственном смысле, когда нужно заставлять себя нечто сделать. Это диссертационная, уже хорошо разработанная, вполне законченная, защищенная работа ныне здравствующего когда-то бывшего моего аспиранта К. М. Гуревича, человека теперь уже отнюдь не молодого. Перед ним была поставлена задача — поймать момент зарождения и первоначального развития волевого поведения у детей. По ряду соображений были взяты дети дошкольного возраста, иначе говоря, раннего, младшего, среднего и старшего. Константин Маркович сначала вжился в детский сад, т. е. работал в нем на правах помощника воспитателя, так что дети к нему привыкли. Для опыта брали детишек, которые были по тем или иным причинам лишены прогулки, не в порядке наказания, а в порядке того, что у кого-то насморк, у кого-то еще что-то. Константин Маркович

приносил им игрушки, которые, собственно, и были главным инструментом в этой работе. Игрушки мы подбирали очень тщательно, отыскивали их по магазинам, чтобы создать набор, подходящий к целям эксперимента. Нам нужны были такие игрушки, которые мы с Константином Марковичем называли глупыми, но очень привлекательными. Например, мне припоминается турник из пластмассы, на котором легкая фигурка человека, руки и ноги шарнирные. Механизм приводил в действие турник так, что этот акробат поворачивался то в одну, то в другую сторону, то опять в другую, то опять в одну, словом, это было монотонное движение, хотя пуск этой игрушки сразу привлекал к себе внимание, у нее была большая побудительная сила, выражаясь терминологией Левина. Вместе с тем она обладала тем замечательным свойством, что в нее играть было нельзя (с такого рода игрушками разумно играть нельзя), она через 2—5 минут надоедала, и ее можно было отобрать без всякого усилия. Поэтому опыт не затягивался.

Первые опыты шли по такой схеме: надо было что-то выполнить неприятное, неинтересное и нудное, при этом выполнение этого нудного занятия обусловливалось тем, что по окончании его ребенок мог поиграть в игрушку, которую ставили перед ним. Вариант этого опыта заключался в том, что (так же, как и в первом случае, проверив, что задание не выполняется ребенком без дополнительного мотива) игрушку не ставили перед ним, а показывали и убирали в шкаф. В одном случае этот привлекательный предмет был в поле восприятия, в другом случае — нет. Результаты были неожиданные, хотя и не очень: волевое, произвольное действие раньше идет при отсутствии побудительного предмета, чем в присутствии его. Мы проверяли этот вывод с мамами одним простым вопросом: если ребенок у вас плохо кушает, а вы ему обещали после того, как он съест, скажем, манную кашу, дать конфету, то что надо — обещать или положить конфету перед ним? Мамы согласно отвечали: конечно, не надо класть перед ним, иначе совсем прекратит есть кашу, а будет все смотреть на эту конфету. Мы получили сходные, аналогичные же результаты. Значит, легче в воображении иметь решающий мотив, чем перед глазами физический — это довольно парадоксально. В развитии, казалось бы, от внешнего к внутреннему, а здесь, наоборот, с внутренним образом лучше идет, чем с реальным предметом. Это первый парадокс.

У нас также были и процессуально привлекательные игрушки, с которыми можно очень долго хорошо играть, во всяком случае повторять и повторять действия. Игра заключалась в том, что пускался волчок, он сбивал шарики, установленные на маленьких платформочках по окружности. Чтобы возобновить игру, надо было разложить опять эти шарики по 4 штуки (три внизу и один наверху) на платформочки, а они были плоскими, шарики раскатывались, это была большая канитель — эксперимент по типу «любишь кататься, люби и саночки возить». А противопоставлялся ему эксперимент, шедший по социальному типу, т. е. через обусловливание не предметной обстановкой, а требованием экспериментатора, в данном случае Гуревича. Оказалось, что предметная необходимость действует слабее, чем социальная. Если первую ситуацию можно вместить в формулу «любишь кататься, люби и саночки возить», вторая ситуация вмещалась в анекдот насчет офицера и денщика. Денщик у себя возится и все время кряхтит и стонет. Офицер спрашивает: «Иван, что ты там кряхтишь?» — «Пить очень хочется». — «Поди, напейся».— «Идти не хочется». Прошло некоторое время, офицер служебным тоном говорит ему: «Иван». «Слушаю, ваше благородие»,— отвечает денщик. «Поди принеси стакан воды». Бежит, приносит стакан воды. Офицер говорит: «Пей». Тот выпил и успокоился.

Получилось общее правило, что генетически произвольные действия возникают, во-первых, раньше, следовательно, проще, если можно так выразиться, при идеальном побудителе, чем при реальном, и — второй парадокс — скорее в социальном подчинении, чем в подчинении объективным предметным условиям. Вот и все. Тогда кое-что просвечивает. Например, когда нет социальной обстановки, т. е. нет требований со стороны окружающих, то мы заменяем это самокомандой: раз-два-три — прыгнул, что часто и практикуется в волевом действии. В общем, я бы сказал так: принимая во внимание несколько гипотез, здесь высказанных мною, можно сказать, что, исходя из этих гипотез, или вернее, опираясь на эти гипотезы, даже в каком-то смысле отталкиваясь от них, проясняются многие существенные факты, давно известные в

психологии. Они приобретают какую-то стройность, какую-то возможность охватить эти разнообразные факты относительно узким кругом понятий, не выходить за их пределы, не призывать никаких внешних сил для их объяснения. Тут выявляется и природа волевого усилия, что совершенно оригинально. Почему выполнив волевое действие, человек чувствует себя так, будто он проделал огромную работу, хотя объективно она очень невелика? Потому что она шла на мышцах без предварительного тонуса, против тонуса. Это очень тяжело. Например, давно очень прочно, серьезно показано, что развитие моторики у детей раньше всего идет по линии развития тоники. Без тонической подготовки никакого движения нельзя рассчитать, оно не возникает. Поэтому медицинская идея о том, что младенцев, дескать нельзя носить на руках, пускай они лежат в кроватках — это неправильная идея. Получается отставание в двигательном развитии. Ведь когда ты его носишь на руках, он не как куль лежит, он все время работает тонически, т. е. у него напряжены мышцы, и это напряжение мышц подготавливает их к выполнению движений. Обычное физиологическое правило.

В качестве резюме по всей теме я мог бы сказать только одно, что этот самый грубый анализ фактов из области волевых действий в узком значении этого термина, конечно, отнюдь не исчерпывает психологической проблемы воли. Напротив, это не более чем введение.